

Горь Кущь Моя

Л. К. ХИГГС

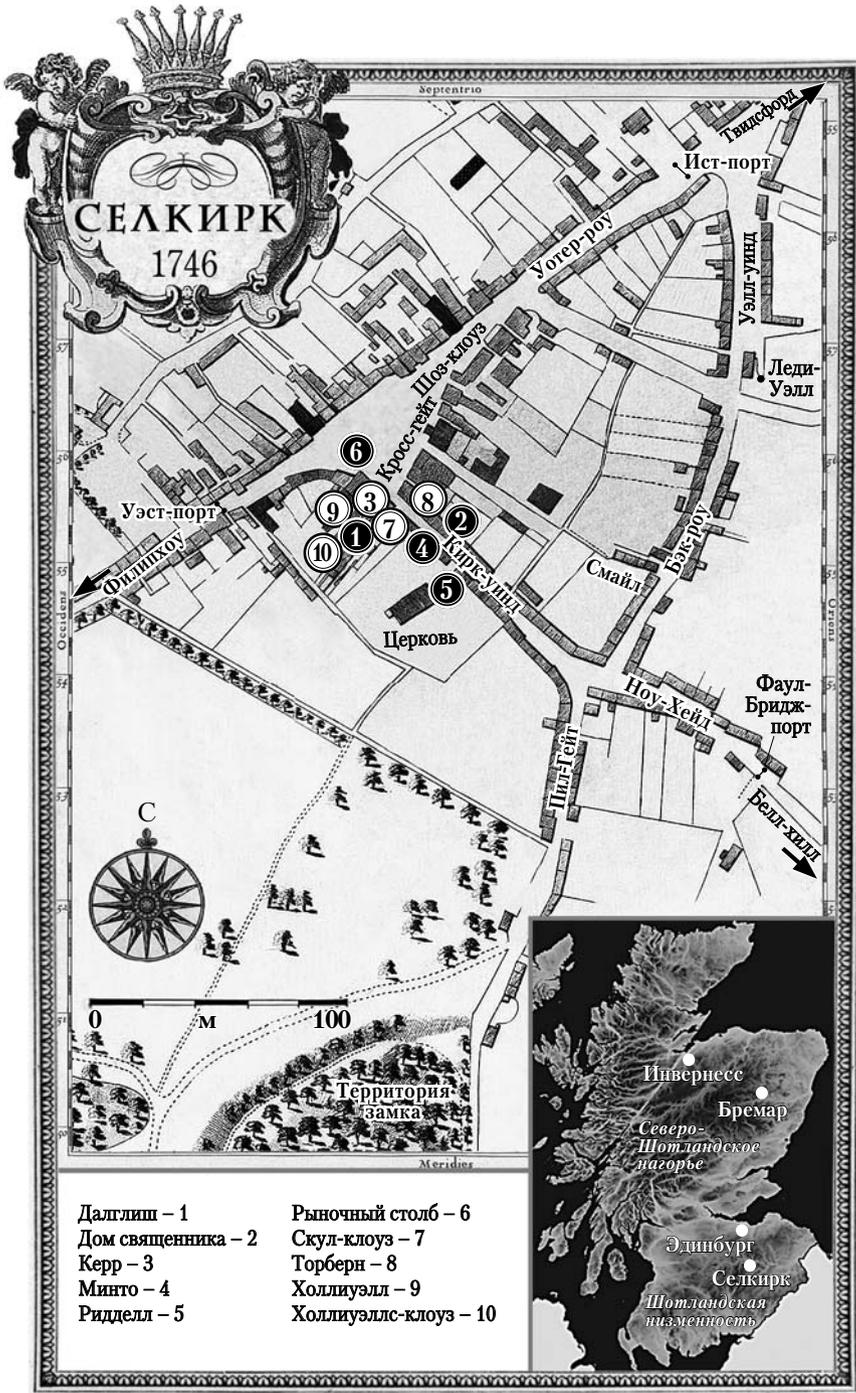
Двум Элизабет в моей жизни посвящается:

*Элизабет Хогланд
и Элизабет Джеффрис,
моим дорогим подругам из Луисвилла,
на добрую память
о наших «элизабетинских» обедах.*

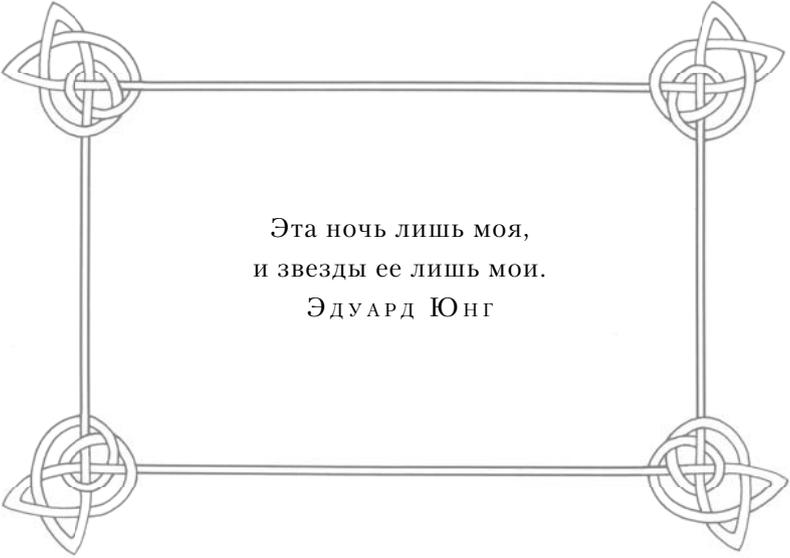
И пусть значение вашего имени Элизабет —

*«чтущая Бога» —
освящает ваши души
ныне и во веки веков.*

Далглиш – 1	Рыночный столб – 6
Дом священника – 2	Скул-клоуз – 7
Керр – 3	Торберн – 8
Минто – 4	Холлиуэлл – 9
Ридделл – 5	Холлиуэллс-клоуз – 10

Эта ночь лишь моя,
и звезды ее лишь мои.
ЭДУАРД ЮНГ

Глава первая

Повсюду бродят слухи.

Уильям Шекспир

Селкирк

26 апреля 1746 года

С тук копыт в отдалении становился все громче. Элизабет Керр поспешила отдернуть занавеску и высунула голову из окна кареты. Порыв ветра с дождем обжег щеки. Она не видела всадников — их скрывал оставшийся позади кареты крутой холм, — но она слышала, как, сокращая дистанцию, они несутся во весь опор.

А свекровь, казалось, ничего не замечала — она разглядывала распозлавшуюся у ее ног лужу. Лоб Марджори прорезала глубокая морщина.

— Неужели нам суждено приехать в Селкирк еще и мокрыми? — Три долгих дня они тряслись в тесной грязной карете, отчего настроение Марджори было столь же хмурым, как и погода.

— Меня волнует вовсе не дождь. — Элизабет отодвинулась от окна: у нее чуть кружилась голова. — Обычные путешественники не станут так торопиться.

У Марджори перехватило дух.

— Не думаешь же ты...

— Думаю.

Разве они не слышали, о чем судачат во всех тавернах и на постоялых дворах? Люди короля Георга прочесывают местность в поисках тех, кто помогал Красавчику принцу Чарли* в его

* Одно из прозвищ Чарлза (Карла) Эдуарда Стюарта, сына Джеймса (Якова) Фрэнсиса Эдуарда Стюарта, претендента на английский и шотландский престолы и предводителя восстания против дома Ганноверов, воспринимаемого шотландцами как восстание против власти англичан. — *Здесь и далее все примечания принадлежат переводчику.*

отчаянной попытке вернуть трон давно отстраненным от власти Стюартам. С каждым разом обывателями рассказывались все более леденящие кровь истории. Раненых солдат забивают палками. Дома сжигают с целыми семьями. Британские драгуны насилуют жен и дочерей восставших.

«Помоги нам, Господи. Прошу Тебя». Элизабет обняла за плечи свекровь. Она понимала, что всадники уже преодолели холм и несутся вниз по склону прямо к ним.

— Мы уже почти доехали, — раздраженно сказала Марджори.

— Господь нас спасет, — твердо ответила ей Элизабет, и тут их окружили драгуны. Сквозь пропитанный влагой воздух донесся резкий мужской голос, и карета замерла на месте.

Кучер мистер Дьюар, мужчина с круглым животиком, прыгнул со своего места и, недовольно ворча, приземлился у окна кареты. Он чуть не упал, но удержался на ногах и без обычных церемоний распахнул дверь:

— Прошу прощения, леди. С вами желает переговорить капитан. Марджори рассердилась:

— Он же не может настаивать на том, чтобы мы вышли под дождь.

— Напротив, мэм. — Британский драгун спешился и, словно заряженная пушка, выкатился из-за кареты. У него были широкие плечи, короткие ноги, а шея почти отсутствовала. — Я настаиваю, и, будьте любезны, поторопитесь.

С беззвучной молитвой Марджори подобрала юбки с обручами и принялась неуклюже протискиваться в узкую дверь кареты. Она с благодарностью оперлась на руку мистера Дьюара, который помог ей выйти наружу. Дама старалась не испачкать юбки. Уже смеркалось, но она все-таки разглядела сравнительно недалеко к югу очертания города у подножия холма. «Мы почти дома».

Капитан, которому Марджори дала бы лет сорок пять, наблюдал, как она выходит из кареты. Его красный китель промок, черные сапоги с пряжками испачкались, сырые поля треуголки заметно обвисли.

Он был еще меньше ростом, чем сначала показалось Элизабет. Когда женщина выпрямила спину и вскинула голову, она оказалась на целых два дюйма выше драгуна. Бывали времена, когда слишком высокий рост ее огорчал, но не сейчас.

К тому моменту когда Элизабет присоединилась к Марджори, ее уже окружили полдюжины мужчин в форме. У всех на боку висели сабли, однако хмурые взгляды были еще страшнее.

— Ну же, — буркнул мистер Дьюар. — Незачем пугать моих пассажиров. Объявите наконец, чего вы хотите. У нас впереди еще целая миля, а свет уже меркнет.

— Вы едете в Селкирк? — Капитан явно был огорчен. — Там почти нет повстанцев с Нагорья.

— Это королевский город*, — сообщила ему, не скрывая раздражения, Марджори. — Жители нашего города много веков хранят верность Короне.

Элизабет с тревогой посмотрела на свекровь. *«Будьте осторожны, Марджори».*

В ответ капитан ничего не сказал: он пристально рассматривал их простые черные платья, как вдруг в его глазах вспыхнул огонек любопытства.

— Так вы в трауре? — предположил он. — Наверное, по мужьям. — Он нагло подошел вплотную к Элизабет: — Ну-ка, расскажи-ка, детка. Ваши мужья отдали жизни за короля Георга? Например, при Фолкирке? Или при Каллодене?

Элизабет не могла решиться на вранье. Но и правду сказать она не могла.

«Прошу Тебя, Господи, подскажи мне верные слова».

Она неторопливо и глубоко вздохнула и заговорила от самого сердца:

— Наши отважные мужчины погибли при Фолкирке за короля, подобных которому нет.

Драгун приподнял бровь:

— Действительно?

— Да. — Не моргнув, Элизабет выдержала пристальный взгляд капитана, прекрасно понимая, кого из монархов она имеет в виду. *«...Ибо Я Бог... и нет подобного Мне».*

Она никого не обманула, однако мужчина не услышал в ее словах истины: по божественному праву корона принадлежала принцу Чарли.

* По королевской хартии получивший право на самоуправление.

— Нет подобного Его Величеству королю Георгу, — задумчиво продолжил капитан. — Я сочувствую вашей потере, но не сомневаюсь, что ваши мужья погибли как герои.

Элизабет лишь кивнула, надеясь, что он не спросит имен. Список погибших при Фолкирке воинов неделями передавался в Эдинбурге из рук в руки. Капитан может вспомнить, что лорд Дональд и Эндрю Керр не числятся среди погибших сторонников короля Георга. Как раз наоборот: имена ее красивого мужа и его младшего брата в списке сложивших головы в тот ненастный январский вечер мятежников.

«*Мой милый Дональд*». Какими бы серьезными ни были прегрешения мужа, как бы сильно они ни ранили Элизабет, когда-то она его любила и сейчас все еще оплакивала его.

Воспоминание о Дональде в так идущей ему синей форме укрепило ее храбрость. Женщина расправила плечи и больше не обращала внимания на заливающийся за воротник дождь.

— Мы со свекровью очень хотим продолжить путь. Если вы с нами закончили...

— Нет, не закончили. — Капитан по-прежнему стоял рядом с Элизабет. Наклонив голову, он откровенно рассматривал женщину: — Как жаль, что ваш муж оставил такую красивую вдову. Хотя... Если вы не против солдата в своей постели, любой из моих людей с радостью...

— Сэр! — возмутилась Марджори. — Как вы смеете столь грубо обращаться с леди?!

Драгуны тотчас подошли ближе к женщинам.

— Леди? — проворчал один из них. — По выговору она больше походит на простую женщину с Нагорья.

Капитан помрачнел:

— Да, действительно. — Он бесцеремонно схватил Элизабет за широкий рукав и вывернул его: — Где она, детка? Где шелковая яacobитская роза*?

— Можете не искать. — Элизабет попыталась вырвать руку: — У меня ее нет.

* Яcobиты — приверженцы изгнанного в 1688 г. так называемой Славной революцией английского короля Якова II и его потомков, сторонники восстановления на английском престоле дома Стюартов. Эмблема яcobизма — белая роза.

Не обращая внимания на возражения, капитан грубо ощупал второй рукав женщины, чуть не порвав его по шву:

— Принц Чарли обожает белую розу Шотландии, верно? Я немало нашел их у мятежных горцев.

— Я вам верю. — Элизабет наконец высвободила свой рукав. — Теперь вы удовлетворены?

— Вовсе нет, детка. — С омерзительной ухмылкой капитан пристально посмотрел на вырез ее платья: — По всему видно, вы хорошо ее спрятали. Тем не менее я ее найду.

Глава вторая

Храбрый человек везде найдет себе кров.

Овидий

рекратите! — Марджори раскинула руки и заслонила Элизабет от британского драгуна с грязным языком и наглым взглядом: — Довольно, сэр. — Сердце ее рвалось из груди — вдову уже давно покинуло терпение. Марджори почти кричала: — Моя невестка вам сказала, что у нее нет розы, значит, розы нет.

— У меня действительно нет розы, — спокойно, отступая назад, сказала Элизабет.

Марджори опустила руки, но не отступила, продолжая сверлить капитана взглядом. Неужели негодяй вообразил, что она будет стоять и смотреть, как он вольничает с ее невесткой? *«Не бывать такому!»*

Капитан не нашелся, что ответить, тогда его люди заволновались и стали переговариваться между собой.

— Мэм, я не собирался... — начал было капитан.

— Прошу вас меня не обманывать, — резко остановила его Марджори. — Ваши намерения были вполне очевидны и постыдны. Возможно, мне следует написать генералу лорду Марку Керру и сообщить ему о вашем гадком поведении. — Она заметила возникший в глазах драгуна страх и в глубине души порадовалась.

Драгун потоптался на месте:

— А вы... знакомы с его светлостью?

— Очень хорошо знакома. — Остальное она оставила при себе: лорд Марк не только был почетным комендантом Эдинбургского замка — он был еще и ее дальним родственником со стороны покойного мужа и безжалостным военным, который нанес серь-

езный ущерб ее семье. Она не стала бы ему писать, даже если бы на его долю выпала участь стать последним человеком на земле. — Нас и так сильно задержали, — сказала она и повернулась к карете, чувствуя, что ее напускная храбрость начинает спадать. Еще ни разу в жизни ей не приходилось так жестко разговаривать с женщиной, тем более с драгуном, хотя он это заслужил. Возможно, двух вдов спас Всевышний, как и обещала Элизабет. Марджори протянула руку, сама удивляясь, что она не дрожит: — Мистер Дьюар?

— Да, мэм. — Он проводил ее до кареты и бросил через плечо уничижительный взгляд. — Что ж, капитан, по всей видимости, вы встретили достойный отпор.

Драгун отступил:

— Если эти женщины не якобитки, они мне не нужны. — Он сделал знак своим людям: — По коням, драгуны. Мы закончили.

На красноватом лице мистера Дьюара появилась кривая улыбка.

— Именно так. — Драгуны отошли в сторону. Кучер помог Элизабет подняться в карету и шумно захлопнул за ней дверь. — Еще до наступления темноты я доставлю вас домой, леди. Хотя сомневаюсь, что кто-то из вас боится ночи. — Затем он забрался на свое место, и лошади тронулись в путь. Драгуны же тем временем неслись по дороге — стук копыт постепенно смолк вдали.

Обе женщины с облегчением выдохнули и откинулись на потрепанную кожаную спинку сиденья.

— Вы проявили невиданную отвагу, — наконец сказала Элизабет.

— Или невиданную глупость. — Марджори достала из рукава платочек, чтобы протереть влажное лицо: — Солдаты, которых мы, возможно, встретим в следующий раз, могут оказаться не столь доверчивыми.

— Действительно. — Элизабет вытянула длинные ноги: — Но такими же низкорослыми.

Марджори посмотрела на платье невестки:

— Напомни-ка мне, где все-таки находятся твои шелковые рюшечки?

— Зашиты в подол нижней юбки. — В уголках губ Элизабет заиграла улыбка. — Если бы капитан принял меня обыскивать,

он нашел бы целую гирлянду якобитских символов. Но я сказала правду: розы у меня и вправду нет.

Марджори кивнула:

— Моя умница Бесс.

Раньше ей не нравилась изобретательность невестки: она считала Элизабет скрытной и ненадежной. Как же она ошибалась!

Несмотря на низкое происхождение и корни в Нагорье, Элизабет стала во всех отношениях настоящей леди — отважной и стойкой. А ведь этой женщине всего двадцать четыре года!

Марджори вздохнула. А была ли она сама когда-нибудь молодой?

— Как хорошо, что мы распрощались с Хеддервиками в Галашилсе, — сказала Элизабет. — Если бы они оказались сейчас с нами, они вполне могли договориться до тюрьмы.

— Могли? — усмехнулась Марджори. — Никогда не встречала мужчин, которые бы так много говорили и при этом так мало общались. — Отец и сын, которые от Эдинбурга ехали с ними на юг, всю дорогу хвастались своими якобитскими симпатиями, но ни один из них не взял оружия, чтобы поддержать принца.

«Не то что мои отважные сыновья».

Когда Марджори засовывала в рукав платочек, ей на ум вдруг пришли последние слова Дональда: *«Я могу рассчитывать, что ты присмотришь за Элизабет?»* Естественно, Марджори это ему обещала, но она понятия не имела, что наступит такой день, когда она останется без дома и без золота. Как она сможет теперь заботиться об Элизабет?

Марджори подняла глаза: к крыше кареты был привязан ее тяжелый чемодан, в котором лежала массивная семейная Библия, а в ней были такие утешительные слова: *«...ищущие Господа не терпят нужды ни в каком благе»*. Может ли она верить свои нужды Всевышнему? Или Он продолжит отягощать ее потерями? Если честно, брать у нее было уже нечего.

Когда Элизабет потянулась, чтобы занавесить окно, Марджори ее остановила:

— Не нужно, дорогая. Дождь окончательно прекратился.

Под серым вечерним небом над землей за клубился туман: словно живой, он то поднимался, то опускался. Расположенный на воз-

вышенности город тоже то появлялся, то исчезал из виду. Дома были каменные, покрытые соломой и дерном. Окна поблескивали светом свечей и огня в очаге.

Элизабет ждала лежащие на коленях руки. Ее голубые глаза сияли.

— Я так долго мечтала увидеть Селкирк!

— Слишком долго. — Марджори отодвинула занавеску со своей стороны: — Добро пожаловать домой, Бесс. — «Домой». Вдова не жила в приходе Селкирк уже десять лет, но здесь почти ничто не изменилось. Округлые холмы находили один на другой, образуя зеленые берега вздувшейся от дождей Эттрик-уотер. — В Селкирке проживают более тысячи человек, — задумчиво сказала Марджори. Помнит ли ее здесь хоть кто-нибудь? Или, узнав о том, что она попала в немилость, перед ней захлопнутся все двери и ее не примет приличное общество?

«Нет». Это дом ее детства. Она обязательно встретит здесь сочувствие.

Когда возле мельницы путники пересекали каменный мост через Эттрик-уотер, Элизабет еще пристальнее всмотрелась в раскинувшийся перед ними город:

— Он больше, чем я думала. Надеюсь, Гибсон сумел отыскать в нем кузину Анну.

— Гибсон когда-то здесь жил, — напомнила ей Марджори. — Он знает, где находится дом Анны.

В начале недели она отправила своего дворецкого, Нейла Гибсона, с письмом к кузине, в котором просила их приютить. Женщина прикоснулась к подвешенному к поясу кошельку, прекрасно помня, что он пуст. Разве не пришлось ей поменять свой последний нож и свою последнюю ложку на их обед? Они не смогут оплатить ни одной ночи в гостинице «Форест Инн». Кузина Анна должна оказаться дома и должна пустить их к себе на ночлег.

Карета начала крутой подъем к центру города, отчего женщин вжало в спинку сиденья. Услышав, как мистер Дьюар погоняет лошадей, Марджори сказала:

— Бедняжкам придется нелегко: подъем для них слишком крут. Элизабет кивнула:

— Как и для Гибсона. Думаете, он вчера уже прибыл?

— Или сегодня утром. — С каждым оборотом колеса Марджори все острее ощущала свою вину: она совсем забыла, насколько тяжел этот подъем, особенно для мужчины шестидесяти лет и после долгого пешего путешествия.

В поздний час прохожих было совсем мало. Несколько мужчин в потрепанной одежде, с посохами в руках и собаками у ног брели в гору. Чтобы удовлетворить свое любопытство, они заглядывали в окна кареты и, не приветствуя Керров, отходили в сторону.

— Гибсону по несколько раз в день приходилось ходить по крутым улицам Эдинбурга, — напомнила ей Элизабет. — У кузины Анны мы застанем его за чаем. Я абсолютно в этом уверена.

Зато Марджори была настроена не столь оптимистично. На нее вдруг нахлынули сомнения и страхи, которые она всю дорогу старательно отгоняла от себя. А что если Анна прогнала Гибсона, не желая приютить своих опозоренных родственников? А вдруг за эти годы она вышла замуж и теперь живет в другом доме? А вдруг, не дай Бог, Анна вообще больше не живет в Селкиркшире?

«Нет, нет, нет». Волноваться бессмысленно, напомнила себе Марджори. Разве она не знает этой простой истины? Решив придать своему лицу уверенности, она переключила внимание на виды из окна:

— Как только проедем Ист-порт, уже будет недалеко до Рыночной площади, а Холлиуэлс-клоуз рядом с ней.

Вцепившись в сиденье, ее невестка чуть подалась вперед:

— Надеюсь, кузина Анна будет рада нас видеть.

— Да. — Марджори с трудом сглотнула. «Пусть Гибсон окажется здесь. Пусть Анна будет дома. Пусть все будет хорошо». Она возносила свои молитвы, словно отправляла крылатых посланцев, и во что-то вглядывалась сквозь сумерки и туман.

Карета осторожно въехала в городские ворота и оказалась на улице Уотер-роу. По обеим ее сторонам, совсем как в прежние годы, тесно стояли жилые дома и магазины. Даже в сумерках Марджори могла прочитать имена над каждой входной дверью. «Тейт. Шо. Эллиот. Мюррей. Скотт. Андерсон».

Она уцепилась за край открытого окна и потянулась к нему: каждая до боли знакомая деталь отзывалась в ее сердце. Мистер Флетчер, краснодеревщик, жил в побеленном доме у самой доро-

ги. Мистер Фэйрберн, торговец, продавал свой товар под навесом, до которого было рукой подать.

Неожиданно всплыло одно старое воспоминание. Два светловолосых голубоглазых парнишки скачут по Уотер-роу и нараспев, словно стишки, читают вывески: *«Бондарь, кожевник, пильщик, красильщик, прядильщик, горшечник, седельник»*. Длинноногий худенький Дональд бежит впереди. Маленький слабенький Эндрю спешит за ним.

Разве не всегда так было вплоть до самого конца?

«Мой любимый Дональд. Мой бесценный Эндрю».

— Ах, Бесс... — Марджори отстранилась от окна: — Я никогда... — Голос ее то и дело прерывался: — Я никогда не думала, что вернусь домой без семьи.

